

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

УДК 81'44

Л.У. Тариева

Ингушский государственный университет

ПРЕДИКАЦИИ ГИПОТАКСИСА С ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ В ЭРГАТИВНОМ ЯЗЫКЕ

Тема, избранная для рассмотрения, синхронно относится к одной из важных, так как сложное предложение эргативного языка интерпретируется в связи с функцией компонентов парадигмы лица, неоднозначно отражающихся в глаголе-сказуемом. Цель исследования заключается в экспонации грамматической основы, представляющей одну из ядерных конструкций частей сложного предложения с изъяснительными отношениями. Достижение цели обуславливает необходимость решения таких проблем как: вскрытие характера предикаций частей гипотаксиса предлагаемого типа, анализ структурно-семантической организации глагола-предиката, учет позиции и связи частей эргативной сложной конструкции. Научная новизна статьи заключается в том, что исследование эргативного предложения ведется на основе новой концепции, представляющей парадигму лица, относительно недавно введенной в технику лингвистического исследования. Структура глагола в эргативном нахском языке устроена так, что в нем открывается ниша, прежде всего для магистральной валентности. Главная валентность в эргативных языках диахронически принадлежит первым лицам парадигмы, размещающимся в структуре глаголов, обуславливая гетерогенность ядерных предикаций и, соответственно, частей сложной конструкции. В основу анализа предикаций положен метод компонентного анализа, так как структура глагола в эргативном нахском языке неоднозначная с точки зрения кодирования актанта в качестве магистральной валентности. Применяется также техника дистрибутивного приема, обуславливающего вскрытие неоднозначности ядерных предикаций и, соответственно, их связь в составе сложной конструкции.

Результаты анализа гипотаксиса избранного типа подтверждают специфику структурной и семантической устроенности эргативного глагола-предиката, кодирующего одно из лиц парадигмы со статусом «первое». Таким образом лицо парадигмы (метафорически и предмет тоже) на языковом уровне выступает в роли подлежащего. Практическое значение интерпретации предиката такого рода может и должно оказаться релевантным в контрастивных, типологических исследованиях гипотаксиса других эргативных языков.

Ключевые слова: гипотаксис, зависимое изъяснительное, семантика глагола, структура глагола, лицо парадигмы, номинативное сказуемое, эргативный глагол-предикат, аффективный глагол-сказуемое

UDC 81'44
L.U. Tarieva
Ingush State University

PREDICATIONS OF HYPOTAXIS WITH EXPLANATORY RELATIONS IN AN ERGATIVE LANGUAGE

The topic chosen for consideration is one of the important ones, as the complex sentence of ergative language is interpreted in connection with the function of the components of the person paradigm, ambiguously reflected in the verb-predicate. The aim of the study is to exhibit a grammatical basis representing one of the nuclear constructions of the portions of a complex sentence with indicative relations. Achievement of the goal requires solution of such problems as: revealing the character of predications of parts of hypotaxis of the proposed type, analysis of structural and semantic organization of verb-predicate, taking into account the position and connection of parts of ergative complex construction. The scientific novelty of the article lies in the fact that the study of ergative sentence is carried out on the basis of a new concept representing the paradigm of the person relatively recently introduced into the technique of linguistic research. The structure of the verb in the ergative Nakh language is arranged in such a way that it opens a niche primarily for the mainline valence. The main valence in ergative languages diachronically belongs to the first persons of the paradigm,

located in the structure of verbs, causing the ambiguity of nuclear predications and, accordingly, parts of a complex construction. The analysis of predications is based on the method of component analysis, since the structure of a verb in the ergative Nakh language is ambiguous from the point of view of coding the actant as the mainline valence. The technique of distributive approach is also used, which causes the revelation of ambiguity of nuclear predications and, accordingly, their relationship in a complex construction. The results of the analysis of hypotaxis of the chosen type confirm the specificity of the structural and semantic arrangement of the ergative verb-predicate coding one of the persons of the paradigm with the «first» status. Thus, the person of the paradigm (metaphorically and subject too) at the language level is the subject. The practical meaning of this kind of predicate interpretation may and should be relevant in contrastive, typological studies of hypotaxis in other ergative languages.

Keywords: hypotaxis, dependent explanatory, verb semantics, verb structure, paradigm face, nominative predicate, ergative verb-predicate, affective verb-predicate

Введение

Сложноподчиненные предложения с изъяснительным придаточным (инг. *духьтладакха тлатеха калам*) в эргативном языке обычно представляют гипотаксис с присловным подчинением, наряду с придаточным, распространяющим главную часть в целом. В качестве рабочего в статье используется ингушский язык, так как среди эргативных языков на базе этого языка интерпретирован блок константных признаков эргативности (Тариева, 2020).

Синхронно интерпретация сложноподчиненного предложения эргативного языка, во многом совпадающая с толкованием гипотаксиса номинативного языка, базируется на:

- 1) отношении зависимой части к главному предложению в целом (расчлененная структура);
- 2) отношении придаточного предложения к какому-либо члену предложения в главном, выходящего нередко за рамки соответствия членам простого предложения;
- 3) исследовании средств связи (союзов, союзных слов, скреп), соединяющих главное с зависимым;

- 4) анализе морфосинтактики знаменательного или местоименного (соотносительного) слова в главном;
- 5) толковании анафорических элементов главной и зависимой частей;
- 6) учете встроенности в семантическую структуру глагола лица парадигмы (предмета), обуславливающего функцию ядерной конструкции;
- 7) ассоциативной когезии лексем главной и зависимой частей.

Полиаспектный подход к анализу сложноподчиненного предложения современного ингушского языка, части которого связываются союзами, союзными словами, скрепами, экспонирующими определенного рода отношения между частями гипотаксиса, должен вскрыть специфику его функционирования. Аналитические показатели (союзы, союзные слова) связи главного и придаточного предложений сосуществуют в данном эргативном языке с особого рода средствами связи (синтетическими скрепами), доставшимися ингушскому языку от его сильносинтетического прошлого (Тариева, 2020). Скрепы, квалифицируемые Н.С. Валгиной в номинативном русском языке (Валгина, 2003, с. 294-295), на наш взгляд, скорее связаны с его старославянским прошлым, и не случайно русский язык синхронно содержит в своей структуре элементы эргативности (например, возвратная частица *-ся*, соответствующая семантически, и не только, ингушскому эргативному местоимению *аз 'я'* и др.). Из актуальных средств связи скрепы эргативного ингушского языка диахронически восходят (как показывают современные исследования) к сильносинтетическому строю ингушского языка, предшествовавшему эргативному (Тариева, 2020, с. 33, 37-38), и такого рода «дары синтетизма» скрепы должны стать предметом отдельного исследования. В данной работе исследуются конструкции эргативного гипотаксиса с изъяснительными отношениями, части которого соединены союзами, союзными словами.

Материалы и методы

Актуальность темы исследования состоит в необходимости интерпретации структуры и семантики частей гипотаксиса эргативного языка, отличающихся от языков номинативной стратегии. Основная задача статьи видится в том, чтобы

истолковать компоненты предикации частей сложноподчиненного предложения эргативного нахского языка, части которого соединены союзами и/или союзными словами. Решение этой задачи поможет в перспективе дифференцировать их от гипотаксиса, главное и зависимое предложение которого соединены синтетическими скрепами.

В основу интерпретации частей гипотаксиса с изъяснительными отношениями положены работы отечественных лингвистов, включая и современных синтаксистов-ингушеведов: Н.Ф. Яковлев (2001), В.А. Плунгян (2000), Я.Г. Тестелец (2001), Н.С. Валгина (2003), И.А. Оздоев (1981, 1982), Л.Д. Мальсагова (1986, 1998), Ф.Г. Оздоева (1998), Х.Р. Хайрова (2007), Л.У. Тариева (2017, 2020-2021) и др.

Чтобы достичь цели в исследовании сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным в статье используется дистрибутивный метод анализа глаголов-предикатов различных корпусов. Применяется в работе и техника описательного метода, позволяющего вскрыть особенности функционирования главной и зависимой частей гипотаксиса. Компонентный анализ частей сложной конструкции с изъяснительными отношениями акцентирует внимание на глаголе-сказуемом с точки зрения его мотивированности / немотивированности, транзитивности / интранзитивности, комплетивности.

Одним из первых синтаксистов, признававших наличие изъяснительных конструкций в ингушском языке, был Н.Ф. Яковлев, истолковывавший их посредством особой «придаточной формы» с окончанием «сравнительного падежа» (Яковлев, 2001, с. 439-443).

И.А. Оздоев, напротив, в своей работе, посвященной сложноподчиненной конструкции, исследуя типы зависимых предложений (времени, образа действия, причины, цели, следствия, условные, уступки и сравнения), не рассматривает конструкции с придаточными изъяснительными (Оздоев, 1981, с. 24-32; Оздоев, 1982).

Если придаточное изъяснительное присловное, то в главной части такого предложения наличествует слово, которое запрашивает добавления информации, со структурно-смысловой точки зрения

такая лексема требует семантического восполнения или конкретизации значения.

Характер изъяснительного придаточного предложения, зависящий от структуры и содержания слова в главной части, распространяющего придаточную часть, гетерогенный:

1. *Сайрана хазар салташта (AFF), шоаи (NOM) тIехъаишка болх аьнна* 'Вечером солдаты (NOM) **услышали, что** они (NOM) отступают'.

2. *Нах (NOM) раьза бар, лоалахоша (ERG) белхий бергба аьнна* 'Люди (NOM) **были довольны, что** соседи (NOM) будут проводить субботник'.

3. *Хьалхарча заманчоахь зоахалол деш цкъарчоа хоаттар (ERG), фу дай (NOM) ба цар?* 'В былые времена при сватовстве вначале **спрашивали, что за предки (NOM) у них?**'.

В приведенных конструкциях зависимое изъяснительное предложение, распространяющее предикат-сказуемое в главном различного рода дополнением, хотя нередки случаи синкретичного толкования придаточного.

Л.Д. Мальсагова в нескольких статьях, рассматривая сложноподчиненное предложение в сопоставительном аспекте, отмечает, что в первой половине прошлого века «относительно гипотаксиса ингушского языка сложились две противоположные точки зрения, высказанные известными исследователями кавказских языков» (Мальсагова, 1998), каждая из которых имеет своих последователей. Автор выделяет структурно-семантическое своеобразие изъяснительных конструкций как одной из наиболее продуктивных групп среди одночленных сложных предложений (Мальсагова, 1986, с. 56-59). Той же точки зрения придерживается Ф.Г. Оздоева, которая, исследуя изъяснительный тип придаточных предложений, соединенных с главным посредством союзов, указывает на факт их широкой представленности в ингушском языке (Оздоева, 1998, с. 11-12). Учитывая этот факт, И.А. Оздоев по свидетельству его коллег собирал материал по сложноподчиненному предложению с изъяснительными отношениями для отдельного исследования.

Х.Р. Хайрова приводит десять типов придаточных предложений, среди которых представлены и изъяснительные конструкции, так же отмечаемые автором как наиболее распространенные в

ингушском языке (Хайрова, 2007, с. 182, 188-191). В номинативном русском языке наблюдается та же ситуация: Н.А. Аверьянова со ссылкой на Русскую грамматику выделяет СПП с изъяснительными придаточными как самую многочисленную группу, представленную повествовательными придаточными (Аверьянова, 2018, с. 275).

Результаты и обсуждение. Конструктивным признаком функционирования эргативного гипотаксиса с придаточным изъяснительным является, прежде всего, лексический и морфосинтаксический характер слова в главной части, комплетивного по сути. Восполняться может не только глагол-сказуемое с закодированным в нем именем-предикатом, но и любое другое слово в главной части, квалифицируемое в качестве опорного. В связи с этим уместно вспомнить тезис Ф.Г. Оздоевой, которая, отметила, что в ингушском языке выделяются два структурных типа предложения, в одном из которых зависимое соотносится со всем главным предложением, а в другом – с одним из членов главной конструкции (Оздоева, 1998, с. 9).

Глагол-сказуемое в эргативном языке как опорное слово структурно и семантически неоднозначен:

4. *Сона (AFF) хетт, сигале (NOM) лохе lotlaеннача санна* 'Мне кажется, будто небо (NOM) низко надвинулось'.

5. *Сога (LOC) оалалу, со (NOM) ханажеряхъа цIаваoгIалургвац аьнна* 'У меня получается сказать, что я (NOM) не смогу в ближайшее время приехать домой'.

6. *Вошо (ERG) массанега хъахайт, ше балха вода аьнна* 'Брат (NOM) всем сообщает, что он (NOM) идет на работу'.

7. *Поалхам (NOM) оттабича, со (NOM) духътIавоал, цу хича кислород дуккха да яхаш* 'Проведя опыт, я (NOM) убеждаюсь, что в этой воде много кислорода'.

8. *Са (POS) сааькхъухъ, докха дикахетар (NOM) хургда яхаш* 'Я предчувствую, что произойдет что-то очень хорошее'.

Придаточная часть (примеры 4-8) относится к глаголу-предикату в главном. Если учесть тот факт, что лица парадигмы (первые лица) встроены в семантическую структуру ингушского глагола на правах первой (магистральной) валентности, образуя ядерные конструкции (Тариева 2021, с. 23, 25), то изъяснительные предложения при них могут быть квалифицированы как

распространяющие предикацию в целом. Предложения с такого рода расчлененной (или синтетической) структурой возможно квалифицировать в качестве **двучленных**. Принцип двучленности ослабевает в предложениях со смешанными, каузативными глаголами в главной части ингушского гипотаксиса.

Восполняться может, как отмечено выше, предложение в целом или его отдельный компонент (глагол-предикат, имя-предикат или прямое дополнение). Прямое дополнение мы не рассматриваем в качестве компонента предикативной основы ингушского элементарного предложения в силу того, что на функцию подлежащего, на наш взгляд, в эргативном языке может претендовать только:

1) имя (лицо парадигмы, предмет) со свойством известной волюнтаривности, обуславливающей ему право на магистральную валентность в структуре глагола-сказуемого;

2) но не лицо (предмет), в функции прямого дополнения, имеющего форму именительного падежа в связи с тем, что для эргативных языков синхронно актуален такой релевантный признак как фреймы каузации (Тариева, 2017, с. 266-267);

3) завершение каузативных процессов, вызывающих к жизни, прежде всего, постулированные качества и свойства лица (предмета), должно снять проблему падежной омонимичности подлежащего и прямого дополнения в обозримом будущем.

Изыяснительной зависимой части в ингушском языке запрашивают *низбола хандешаи* 'сильные глаголы' или *урхал ду хандешаи* 'управляющие глаголы' или их формы в главной части, которые обладают не только «нишей» для магистральной валентности. Со структурно-семантической точки зрения это, прежде всего, номинативные глаголы:

9. *Со (НОМ) йист хилар, да (НОМ) цлава лаьрхлавац аьнна* 'Я (НОМ) сказал, что отец (НОМ) не собирается приезжать домой'.

10. *Нани (НОМ) селхан денз лув, ше (НОМ) цу зоахалона раьза яц яхаш* 'Бабушка (НОМ) со вчерашнего дня обозначает, что сама (НОМ) недовольна этим сватовством'.

Глагол-сказуемое главной части, магистральной валентностью кодирует лицо в номинативной форме имени и, соответственно, относится к номинативному корпусу глаголов (пример 7, 9-10).

В качестве лексемы, требующей семантического восполнения, может выступать и глагол эргативного корпуса:

11. *Беро (ERG) сиха Йомадир, мича оттаде деза ше (NOM) алапаш* 'Ребенок (NOM) быстро усвоил, куда он (NOM) должен ставить буквы'.

12. *Дас (ERG) ший яьІан хьатІаийцадар, ше (ERG) веший бераш кхедергда аьнна* 'Отец (NOM) взял себе в обязанность, что сам (NOM) будет воспитывать детей брата'.

Лицо парадигмы, закодированное в глаголах такого рода благодаря своей полифункциональности может быть названо актором, или принципиалом в том понимании, в каком это слово представлено у Я.Г. Тестельца: «если актанта с такой ролью (ролью агенса) есть при данном глагольном предикате» (Тестелец, с. 346).

Эргативные глаголы в изъяснительных предложениях, как правило, бывают сложными, чаще каузативными (примеры 6, 11).

Аффективных глаголов в ингушском языке количественно меньше, чем номинативных и эргативных, в силу ограниченности и исчислимости функций чувственно-воспринимаемого аппарата человека, который они представляют лингвоцентрически:

13. *Сайран унахочоа (AFF) дайра, мишта увттаю лор-йишас (ERG) тІадамашк* 'Вечером больной (NOM) увидел, как ставит медсестра (NOM) капельницу'.

14. *Тутмакха (AFF) хоаделлар, ший гІулакх (NOM) телхад аьнна* 'Заключенный (NOM) почувствовал, что его дело (NOM) плохо'. Обычно аффективную форму имени кодируют модусные глаголы, тесно связанные с чувственно-эмотивной деятельностью речедеятеля (примеры 1, 4, 13-14).

Традиционно в ингушском языке выделяют и локативные конструкции с каузативными глаголами, участвующими в образовании сложноподчиненного предложения с зависимым изъяснительным, часто синкретично толкуемым:

15. *Сога (LOC) дешархо духьтІавоаккхавеллар, шийтта оагІув (NOM) Йомае еза хьа аьнна* 'У меня получилось убедить школьника, что ему надо выучить двенадцать страниц'.

16. *Сога (LOC) оаделлар, фу (NOM) эш хьона аьнна?* 'Я (NOM) смог сказать, что (NOM) тебе нужно?' (или 'У меня получилось сказать, что тебе нужно?').

Глаголы-предикаты (примеры 15-16) являются сложными, каузативными, они тесно связаны с каузативными фреймами, синхронно характерными для эргативных языков (Тариева, 2017, с. 266-269). Синкретичность в данном случае заключается в двояком толковании зависимой части (пример 15: *сенна* 'по поводу чего?' и *мишта* 'как'; пример 16: *фу* 'что' и *мишта* 'как').

Предложений с посессивной семантикой в главной части в ингушском языке меньше, что связано не только с функцией притяжательного падежа, который может делить место магистральной валентности в семантической структуре глагола-предиката с другим лицом (Тариева 2019), но и со степенью идиоматизации частей внутри глагола. Сравните конструкции:

17. *Марема (POS) саготлу, маца цлакхоачаргья ше (NOM) яхаи* 'Марем (NOM) переживает, что сама (NOM) поздно попадет домой' (или 'когда же она попадет домой') и:

18. *Аз (ERG) саготду, маца цлакхоачаргья-те со (NOM) яхаи* 'Я (NOM) переживаю, когда же я (NOM) попаду домой' с:

19. *Са (POS) хатта деза, нана (NOM) фу деш я?* 'Я (NOM) должен спросить, что делает мать (NOM)?' с:

20. *Во lo (ERG) хатта деза, фу деш я нана (NOM)* 'Сын (NOM) должен спросить, что делает мать (NOM)?'.

Посессивная и эргативная конструкции главной части (примеров 17-18) выступают как экспоненты фрейма каузации, указывающие на смещение свойств глаголов различных корпусов в рамках каузативного процесса.

Степень идиоматизации между компонентами внутри таких каузативных глаголов редко выходит за рамки аддитивности: «Изоморфизм «первого лингвистического членения» — не менее важная особенность, аддитивной модели, чем собственно аддитивный принцип (предполагающий равенство целого простой сумме составных частей)» (Плунгян, 2000, с. 39-40). Если следовать тезису об аддитивности, истолкованной В.А. Плунгяном, то можно утверждать, что ингушские каузативные глаголы без труда, при первом морфологическом членении распадаются на части: на глаголы со своей примарной магистральной валентностью. В приведенных иллюстрациях (примеры 9-20) отношение зависимой части к главной определяется морфосинтаксическими свойствами распространяемого опорного слова-глагола.

Принятый в классификации сложноподчиненных предложений (номинативных и эргативных языков) принцип, согласно которому главная часть сложной конструкции уподобляется простому высказыванию, а придаточная одному из членов предложения (дополнению, определению, обстоятельству) остается актуальным в исследовании отношений между частями гипотаксиса современного ингушского языка и, соответственно, других нахских языков.

Придаточное изъяснительное может присоединяться к глаголу-сказуемому или к опорному слову в главной части как:

I. **прямообъектное** дополнение (примеры 3-5), которое восполняет информативную недостаточность предикативного компонента в головном предложении:

21. *Гаргара наха (ERG) кхетадора, сенца дувзаденна да даь къамаьл* 'Родственники (NOM) **понимали, с чем** связана речь (NOM) отца'.

22. *Беро (ERG) цкъаза хоаттар, нана (NOM) мичай ший яхаи* 'Ребенок (NOM) изредка **спрашивал, где** его мать (NOM)'.

23. *Наха (ERG) сога оалар, хъанга деннад тахан дои (ABS)* 'Люди (NOM) мне **сообщали, кому** дали сегодня слово (В.п.)'.

II. **косвеннообъектное** дополнение, восполняющее информативную недостаточность глагольного сказуемого в основной части гипотаксиса, которое может быть как простым (примеры 6-7), так и составным:

24. *Хьалкъо (ERG) йоаккхий ю, ше (ERG) цу тлем тла дакъа лаьцад яхаи* 'Народ (NOM) **горд** тем, что сам (NOM) **принял участие** в этой войне'. (сенах 'чем?' и мишта 'каким образом?')

25. *Унахо (NOM) кхераи вацар, ше (NOM) лергва аьнна* 'Больной **не боялся**, что сам (NOM) умрет' (сенах? 'чего?').

26. *Бер (NOM) раьза дацар, нана (NOM) дIайода аьнна* 'Ребенок (NOM) **был недоволен**, что мать (NOM) уходит'.

27. *Йулуга (POS) саготлора, ше (ERG) денорг доадаьд аьнна* 'Девочка (NOM) переживала, что сама (NOM) потеряла дневник' (сенах? 'по поводу чего?' и хъанна? 'почему?').

28. *Нах (NOM) саготтдеи бацар, доархо (NOM) цхьаь висав яхаи* 'Люди (NOM) не переживали, что раненый (NOM) остался один' (сенах? 'по чему, по поводу чего?').

Хронологически первичными из различных типов предложений с придаточными прямо- и косвеннообъектными дополнениями (присловных, припредложенческих, приместоименных), являются приместоименные, представляющие наиболее архаичный пласт лексики естественных языков.

В некоторых эргативных сложных предложениях наблюдается эвиденциальный плеоназм в употреблении союзного слова (пример 16, 18).

Что касается слова в главной части сложноподчиненного предложения, к которой присоединяется изъяснительная часть, то здесь релевантность, (кроме общей характеристики глаголов: их корпусного распределения), как указано выше, приобретает лексико-грамматическая отнесенность опорного слова: его лексические и морфосинтаксические свойства. В связи с этим важной представляется мысль Ф.Г. Оздоевой (приемлемая для номинативных и эргативных языков) о том, что «Смысловые отношения между придаточной частью и членом главного предложения раскрываются за счет внутренних средств главного предложения» (Оздоева, 1998, с. 10).

В главной части распространяться могут слова определенного лексико-семантического ряда. Это могут быть слова-предикативы, глаголы речения, имена-деварбативы с семантикой говорения или произнесения и др., аффективные глаголы, модальные глаголы, требующие информативного восполнения. Придаточное предложение, компенсирующее информативную недостаточность слова в главной части, квалифицируется как однозначная структура (Валгина, 2003, с. 299), что является общим для языков и номинативной и эргативной стратегий. Сравните:

I. Глаголы **речения** в главной части обуславливают функцию изъяснительной придаточной части:

29. *Салтечо (ERG) шозза хайттар, фу эш царна* 'Солдат (NOM) дважды **переспросил**, что им нужно?'

30. *Йоккха саз (NOM) йистхул, мишта хила веза вай тайпан саз* 'Бабушка (NOM) излагает, каким должен быть человек (NOM) из ее рода'

31. *Беро (ERG) аьлар, мича долх вай (NOM), дада?* 'Ребенок (NOM) **произнес**, куда мы (NOM) идем, деда?'

Глаголы предложения в ингушском языке дихотомичны, по значению они подразделяются на глаголы говорения (*лув* 'говорю', *йистхул* 'один раз говорю', *кхайк* 'зову, окликаю') и произнесения (*оал* 'произношу', *ях* 'сообщаю', *дуви* 'озвученно излагаю', *вех* 'зову, приглашаю' и др.).

В ингушском языке за глаголами предложения с точки зрения семантического измерения, с одной стороны, стоит эгоцентрик Говорящий (пример 30) как одно из лиц парадигмы (Тариева, 2019), на понятийном уровне представляющий *кхета саг* 'homo sapiens', т.е. человека разумного. С другой стороны, глаголы предложения представляют эгоцентрического субъекта речи лицо Произносящее, обозначающее мыслительную категорию *сакхета саг* 'homo spiritus', т.е. человека-духа (пример 29, 31).

II. Глаголы эмотивного характера:

32. *Гладвахав хьо (НОМ), клаьнк (НОМ) деша эттав аьнна?* 'Ты (НОМ) обрадовался, что мальчик (НОМ) устроился учиться?'.

33. *Да (НОМ) раьза ва, со (НОМ) цагла я аьнна* 'Отец (НОМ) доволен (есть), что я (НОМ) дома (есть)'.

34. *Моастагла (НОМ) амаглаваьннавар, ший тIема кечал (НОМ) халакьяьй аьнна* 'Враг (НОМ) был поражен, что его военное имущество (НОМ) было уничтожено'.

Глаголы-предикаты эмоционально-экспрессивного характера также кодируют лицо Говорящее, находящееся в условиях каузации (инхоатив).

III. Слова категории состояния со вспомогательной глагольной частью:

35. *Во да (SKS сор), шитта Iуррехьа да (НОМ) балха дIавахар* 'Плохо (есть), что отец (НОМ) так рано ушел на работу (или: 'такой ранний уход отца на работу')'.

36. *Дикахет (SKS) сона (AFF), нах (НОМ) могаиш-маьрша цIенах кхийттаб аьнна* 'Приятно (СКС) мне, что люди (НОМ) в здравии вернулись домой'.

Слова категории состояния (примеры 35-36) в ингушском языке, в отличие от русского языка, кодируют лицо в аффективной форме имени, представляя субъективную реальность (*хьал* 'состояние').

Функционирование слова категории состояния с оценочным значением в эргативном и номинативном языках структурно не совпадает. В ингушском языке оно не употребляется вне глагола

бытия *ва* (*йа, ба, да*) 'есть, существует' (пример 35). В русском языке «слово с оценочным значением интерпретируется как именная часть сказуемого» (Ван Илин, М. Воейкова, 2020, с. 231), хотя глагол бытия (есть) элиминирован. Я.Г. Тестелец подобного рода эллипсисы называет синтаксическими невидимками (Тестелец, 2001, с. 280-281).

IV. Глаголы **знания**, мышления:

37. *Давна* (AFF) *хов*, *хъанца бахаб хъаший* (NOM) *лоамашка* 'Отец (NOM) знает, с кем уехали гости (NOM) в горы'.

38. *Цкъаза дагаух сона* (AFF), *мишита баьхаб-те глалгай* (NOM) *Сибрегла* 'Иногда я (NOM) думаю, как же жили ингуши (NOM) в Сибири?'.

39. *Со* (NOM) *длатлавахар*, *фу леладу цига наха* (ERG), *ца хови* 'Я (NOM) подошел, не зная, что там делают люди (NOM)'.

Свойство глагола-сказуемого с эпистемическим *хов* 'знаю' статусом высказывания в главной части в данном нахском языке, также экспонируется аффективной формой имени, на глубинном понятийном уровне представляя логического субъекта (инг. *хов саг*) приобретенной семантики (Тариева, 2017, с. 283, 321).

V. **Модальные** глаголы:

40. *Массанена* (AFF) *лайра*, *бераи* (NOM) *соца цладоагларгда аьнна* 'Все (NOM) пожелали, чтобы дети (NOM) поехали домой со мной'.

41. *Сона* (AFF) *хетар*, *нана* (NOM) *цлагла я аьнна* 'Мне представлялось, что мать (NOM) дома'.

42. *Цлаьхха меттар унахочоа* (AFF), *шийца цхъа саг* (NOM) *ва аьнна* 'Внезапно больному показалось, что с ним кто-то (NOM) есть'.

43. *Сона* (AFF) *мотт*, *глалгай мотт* (NOM) *деглабоаглаи латт аьнна* 'Мне кажется, что ингушский язык (NOM) набирает силу'.

VI. Глаголы **чувственного восприятия** (или аффективные глаголы):

44. *Дайнад сона* (AFF), *мишита дахад шо* (NOM) 'Я (NOM) видел, как вы (NOM) ушли'.

45. *Хезад лоамарашта* (AFF), *малагла хиш* (NOM) *совдала мег лохе* 'Слышали горцы (NOM), какие воды (NOM) могут наводнить низину'.

Глаголы чувственного восприятия, модальные глаголы и глаголы эмотивного характера кодируют такое лицо парадигмы, которое представляет семантическую категорию: эгоцентрическое аффективное лицо, антропоцентрически обозначающее *хоалу саг* 'homo sentiens', т.е. человека чувствующе-воспринимающего (Тариева, 2017, с. 280-283).

VII. Глаголы волеизъявления:

46. *Аз (ERG) чам баккха лаьрхIар, мишта кийчдаь даа хIама (NOM) да ер* 'Я (NOM) решил проверить, как приготовлена эта еда (NOM)'.
47. *Дас (ERG) чIоагIо йир, цIаккъя ше (NOM) цох дIакхетаргвац аьнна* 'Отец (NOM) твердо **решил**, что сам (NOM) никогда не встретиться с ним'.

Волеизъявление как свойство глаголов (его содержание) представлено именем в эргативном падеже, на семантическом уровне за ним стоит лицо Произносящее, а на понятийном логический субъект *сакхета саг* 'человек-дух'.

VIII. Придаточная часть, распространяющая масдары, квалифицируемые нами как специфическая группа имен-девербативов ингушского языка, порождает неоднозначные структуры ингушского гипотаксиса (синкретичные – определительно-изъяснительные):

48. *Хоам (NOM), мича гуллу адам (NOM), аьнна, сайран хьакхавчар* 'Весть о том, где собирается народ (NOM), пришла вечером' (*малагIа хоам?* 'какая мысль' или: *хоам сенах лаьца* 'весть о чем?').

49. *Кхайкар (NOM), маца хьатIава веза белгаьгьча метте аьнна.* 'Объявление о том, когда надо подойти к определенному месту' (*малагIа кхайкар?* 'Какой призыв' или: *Кхайкар сенах лаьца?* 'Призыв О чем?').

50. *Цкъаза кертача уйла (NOM) йоагIар, оаха (ERG) фу дергда-хьогI укхаза Iай аьнна* 'Изредка в голову приходила мысль (NOM) о том, что же мы (NOM) здесь будет делать зимой?' (*малагIа* (или: *фу) уйла?* или *сенах лаьца уйла?* 'мысль о чем?').

Наличие двойного «союза» (*фу... аьнна, мича аьнна, маца ... аьнна*) указывает на неоднозначность придаточной части. Неоднозначность сложноподчиненного предложения здесь

выражается в двойственности значения придаточной части, с определительно-изъяснительным значением.

Такого рода предложения с плеоназмом средств связи должны стать предметом отдельного исследования для определения семантики союзных слов, экстрагирующих в союзы, и их места в составе сложных конструкций эргативных языков. Если из состава двойного союза элиминировать вторую часть *аьнна* 'что' (примеры 48-50), то акцент смещается в сторону определительных отношений. Сравните предыдущую конструкцию с:

51. *Цкъаза кертача уйла (НОМ) йоаглар, фу дерргда-хьогI оаха (ERG) укхаза Iай* 'Нередко в голову приходила **мысль** (НОМ), что же мы (НОМ) здесь будем делать зимой?'

Имена-девербативы могут употребляться в главных предложениях в качестве предикатива (именной компонент), требующего зависимого предложения, синкретично толкуемого:

52. *Кхайкам (НОМ), тIем тIа ваха веза аьнна* 'Призыв (НОМ), что надо идти на войну'.

53. *Хаттараиш (НОМ), маца, фу язде деза аьнна* 'Вопросы (НОМ), когда и что (НОМ) надо написать'

Придаточное изъяснительное может распространять сочетания слов, тяготеющих к устойчивости. Это, как правило, слова категории состояния акциональной семантики со вспомогательной глагольной частью копулой: *да* (*ва, ба, йа*), *дар* (*вар, бар, яр*) 'есть':

54. *Эггара халагIа дар (СКС+сор), мича ваха веза, къоастадар* 'Тяжелее всего было определиться, куда надо идти'.

55. *Атта дац (СКС+ сор), фуд ца ховиш вагIа* 'Не легко (есть) сидеть, что происходит, не зная'.

56. *Эшар да (СКС+ сор), малув (НОМ) ца воагIаиш висар, тахка* 'Нужно выяснить, **кто** (НОМ) не прибыл'.

Зависимое предложение с семантикой изъяснительности в составе гипотаксиса, как показывают иллюстрации, занимает постпозицию по отношению к главной части, к слову в головном предложении, к которому они относятся. Обычное, постпозиционное расположение придаточного изъяснительного по отношению к главному связано «со смысловой асимметричностью» между главным и зависимым предложениями гипотаксиса (Оздоева, 1998, с. 10).

Изменение позиции зависимой части указывает на инверсию, тема-рематически обусловленную, или, например, определенную разговорным стилем речи (инг. *лебеча меттаца* 'разговорным языком').

Выводы

В статье рассмотрены сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным эргативного языка, присоединенные к главной части союзами, союзными словами. Такого рода предложения следует отличать от гипотаксиса, части которого соединяются такими специфическими средствами когезии, как синтетические скрепы, доставшиеся этому языку от его сильносинтетического прошлого.

Определено, что:

- 1) изъяснительные придаточные относятся к конструкциям с присловной зависимостью; в одночленных предложениях изъяснительного типа присловная зависимость обусловлена структурно-содержательной недостаточностью опорного слова главной части, запрашивающего восполнения, т.е. комплетивности (примеры 11-20).
- 2) Комплетивность эргативного языка обуславливается, прежде всего, таким свойством глагола, как транзитивность, которая отличается от переходности глагола номинативного русского языка. Эргативный глагол содержит в своей структуре нишу и не для магистральной валентности. Вторая валентность, которая открывается в структуре эргативного глагола, требует объекта в форме номинативного падежа (или абсолютива), это так называемое прямообъектное дополнение, которое в номинативном языке никак не может отвечать на вопрос именительного падежа;
- 3) опорное слово в главной части выступает как установка на продолжение мысли, как посыл на восполнение содержания (все примеры текста). Восполняться может компонент предикации: глагол как организатор грамматической основы предложения, в семантической структуре которого есть основная ниша для магистральной валентности в языках обеих стратегий;
- 4) первая, или магистральная валентность занимает позицию компонента предикативной основы, наряду с глаголом, обуславливая генерацию одночленных придаточных, нередко

синкретично толкуемых и в эргативном и в номинативном языках (примеры 48-50, 52-53);

5) в организации структуры грамматической основы частей сложноподчиненного предложения ингушского языка участвуют глагольные формы различных корпусов, основными из которых являются номинативные, эргативные и аффективные (примеры 9-14). Глаголы трех основных корпусов кодируют в качестве главной валентности одно из лиц парадигмы, на глубинном понятийном уровне представляющие трех логических субъектов (примеры 29-31, 37-39, 44-45), что не свойственно номинативным языкам;

6) локативные же и посессивные конструкции, участвующие в образовании сложноподчиненного предложения обычно экспонированы мотивированными глаголами-сказуемыми каузативного типа (примеры 15-16, 17,19), что не характерно для номинативных языков;

7) придаточная часть гипотаксиса эргативного ингушского языка распространяет слова различной структуры и лексико-семантической отнесенности. Имена-масдары, например, или слова-девербативы обуславливают возникновение в ингушском нахском языке синкретично (определятельно-изъяснительные и др.) толкуемых придаточных. Предикат, представляющий сочетание слов, тяготеющих к устойчивости (примеры 54-56), может присоединять зависимое изъяснительное (или определятельное) предложение.

8) как управляющая категория ингушский глагол, равно как и русский, обладает не только нишей (гнездом) для магистральной валентности, обуславливающей изъяснительные придаточные, соотносимые с **прямообъектным** дополнением (примеры 3-5, 21-23), и/или с **косвеннообъектным** дополнением (примеры 24-28), восполняя семантическую недостаточность опорного слова в главном;

9) пласт синкретично толкуемых придаточных предложений языков обеих стратегий выступает как промежуточное звено, обуславливающее переход от изъяснительных придаточных к определятельным или обстоятельственным (примеры 11, 48-50).

Знание функции эгоцентрических лиц парадигмы эргативного языка, за которыми на понятийном уровне стоят отдельные *саг* 'homo', наряду с учетом специфики функционирования глаголов

различных корпусов должно сыграть свою роль в описании синтаксиса сложного предложения эргативных языков в целом.

Сколько первых лиц представлено в структуре языка, столько и логических субъектов в эргативном мышлении, квалифицируемых на глубинном (понятийном) уровне как отдельные антропоцентрики, т.е. *сag* 'homo', образующие с глаголом единое диалектическое целое, и этот факт нельзя не учитывать и для адекватного перевода в переводческой деятельности.

В перспективе интерес представляет:

- 1) интерпретация предикативных компонентов, представленных глаголами различных корпусов (каждого в отдельности и в соотношении друг с другом) как одного из средств связи частей сложного предложения, с целью обоснования их участия в когезии частей гипотаксиса;
- 2) проблема количественности придаточных частей, распространяющих опорное слово в главном (или же головное предложение в целом).
- 3) исследование союзных средств синтетического типа, чтобы определить специфику и объем их функционирования в составе ингушского гипотаксиса (их место в лексике и морфосинтаксисе данного нахского языка и других нахских языков).

Знание синтетизмов как особого рода средств связи эргативного языка также должно внести свой вклад и в практику переводческой деятельности.

Литература

1. Аверьянова Н. А. Сложноподчиненные предложения в зеркале корпуса ошибок инофонов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 11(89). – Ч.2. – С. 274-278.
2. Баркинхоева З. М., Хайрова Х. Р. Проблемы синтаксиса ингушского языка. – Нальчик. ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г», Издательский центр «Эль-ФА». – 2007. – 232 с.
3. Валгина Н.С. Современный русский язык. Синтаксис. 4 изд., исп. – М. «Высшая школа». – 2003. – 416 с.

4. Ван Илин, М.Д. Воейкова. Изъяснительные придаточные при оценочных существительных // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2020. – № 196. – С. 230-238.
5. Мальсагова Л.Д. Сравнительно-типологическая классификация сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительными в русском и вайнахских языках // Синтаксис вайнахских языков. – Грозный. – 1986. – С. 55-59.
6. Мальсагова Л.Д. Структурно-семантические модели сложноподчиненных предложений открытой структуры в ингушском языке // Актуальные проблемы ингушского языка. Сборник статей сотрудников отдела ингушского языка. – Назрань. Ингушский НИИ гуманитарных наук им. Ч. Ахриева. – 1998. – С. 22-31.
7. Оздоев И. А. К вопросу о сложноподчиненном предложении в ингушском литературном языке. // Вопросы вайнахского синтаксиса. – Грозный, Известия ЧИНИИИЯЛ, 1981. – С. 23-33.
8. Оздоев И.А. Сложное предложение ингушского литературного языка // Вопросы вайнахского синтаксиса. – Грозный. – 1982. С. 5-24.
9. Оздоева Ф. Г. Сложноподчиненные предложения в ингушском языке // Актуальные проблемы ингушского языка. – Назрань. – 1998. – С. 4-21.
10. Плулган В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. Учебное пособие. – М.: Эдиториал. УРСС, 2000. – 384 с.
11. Тариева Л. У. Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя. – Назрань. – ООО «Кеп», 2017. – 376 с.
12. Тариева Л.У. Генерация союзного слова синтетического типа, объединяющего части гипотаксиса эргативного языка // *Annali d'Italia 'Научный журнал Итали', Italy. – Florence, 2020. – № 5. – VOL. 2. – С. 33-38.*
13. Тариева Л.У. Константные признаки языков эргативного строя // *American Scientific Journal. – 2020. – № (41). – Vol. 1. – С. 31-43.*
14. Тариева Л.У. Морфосинтаксическое представление модусно-диктумных (гипотаксических) взаимоотношений между

- лицами парадигмы // Дания. Danish Scientific Journal (DSJ). – 2019. – №28. – Vol.2. – С. 43-47.
15. Тариева Л.У. Условия локализации лица Говорящего в нахском языке // Вопросы прикладной лингвистики. – М., 2021. – Выпуск 4 (4). – С. 7-29.
 16. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. – М.: Российский государственный гуманитарный университет. – 2001. – 845 с.
 17. Яковлев Н. Ф. Синтаксис ингушского литературного языка. – М.: «ACADEMIA», 2001. – 472 с.

References

- Aver'yanova, N. A. (2018). Slozhnopodchinennyye predlozheniya v zerkale korpusa oshibok inofonov [Compound sentences in the mirror of the corpus of foreign phone errors]. *Philological Sciences. Issues of theory and practice*, 11(89), 274-278.
- Barkinhoeva, Z. M., & Hajrova, H. R. (2007). *Problemy sintaksisa ingushskogo yazyka [Problems of the syntax of the Ingush language]*. Nal'chik: Publishing Center "El-Fa" GP KBR "Republican Printing Plant named after Revolution of 1905.
- Valgina, N.S. (2003). *Sovremennyj russkij yazyk. Sintaksis. [Modern Russian Language. Syntax]*. М.: «Vysshaya shkola».
- Van Ilin, & Voyeykova, M.D. (2020). Iz'yasnitel'nyye pridatochnyye pri otsenochnykh sushchestvuyushchikh. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*, 196, 230-238.
- Malsagova, L.D. (1986). Sravnitel'no-tipologicheskaya klassifikaciya spp s pridatochnymi iz'yasnitel'nymi v russkom i vajnahskih yazykah [Comparative typological classification of complex sentences in Russian and Vainakh languages]. In *Syntax of the Vainakh languages*, (pp. 55-59). Grozny.
- Malsagova, L.D. (1998). Strukturno-semanticheskie modeli slozhnopodchinennyh predlozhenij otkrytoj struktury v ingushskom yazyke [Structural and semantic models of complex sentences of open structure in the Ingush language]. In *Actual problems of the Ingush language. Collection of articles by employees of the Ingush Language Department*, (pp. 22-31). Nazran. Research Institute of the Humanities named after Chakh Akhriev.

- Ozdoev, I.A. (1981). K voprosu o slozhnopodchinennom predlozhenii v ingushskom literaturnom yazyke. Voprosy vajnahskogo sintaksisa. [On the question of a compound sentence in the Ingush literary language]. In *Vainakh Syntax Questions*, (pp. 23-330. Grozny, Proceedings of the Chechen-Ingush Research Institute of History, Language and Literature.
- Ozdoev, I.A. (1982). Slozhnoe predlozhenie ingushskogo literaturnogo yazyka [A complex sentence of the Ingush literary language]. In *Vainakh Syntax Questions*, (pp. 5-24). Grozny.
- Ozdoeva, F.G. (1988). Slozhnopodchinennyye predlozheniya v ingushskom yazyke [Compound sentences in the Ingush language]. In *Aktual'nye problemy ingushskogo yazyka*, (pp. 4-21). Nazran.
- Plungyan, V.A. (2000). *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku [General morphology: Introduction to problems]*. Moscow: Editorial URSS.
- Tarieva, L. U. (2017). *Rechevye komponenty paradigmy lica v yazykah ergativnogo stroya [Speech components of the paradigm of the face in the languages of the ergative system]*. Nazran. Kep LLC.
- Tarieva, L. U. (2020). Generaciya soyuznogo slova sinteticheskogo tipa, ob'edinyayushchego chasti gipotaksisa ergativnogo yazyka [Generation of a synthetic-type conjunctive word combining parts of the ergative language hypotaxis]. *Annali d'Italia (Italy's scientific journal)*, 5 (2), 33-38.
- Tarieva, L. U. (2020). Konstantnye priznaki yazykov ergativnogo stroya [Constant signs of ergative languages]. *American Scientific Journal*, 41(1), 31-43.
- Tarieva, L. U. (2019). Morfosintaksicheskoe predstavlenie modusno-diktumnyh (gipotaksicheskikh) vzaimootnoshenij mezhdu licami paradigmy [Morphosyntactic representation of modus-dictum (hypotactic) relationships between persons of the paradigm]. *Danish Scientific Journal (DSJ)*, 28(2), 43-47.
- Tarieva, L. U. (2021). Usloviya lokalizacii lica Govoryashchego v nahskom yazyke [Localization conditions for a person Speaking in the Nakh language]. *Issues of applied linguistics*, 44 (4), 7-29.
- Testelet, Ya. G. (2001). *Vvedeniye v obshchiy sintaksis*. M.: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet.
- Yakovlev, N. F. (2001). *Sintaksis ingushskogo literaturnogo yazyka. [Syntax of the Ingush literary language]*. M.: «ACADEMIA».